

— Проклятые лентяи, солнце уже высоко взошло, а вы всё валяетесь! — раздался резкий голос за дверью. — Что за грехи наши, что свалилось на семью Гуань такое наказание — кормить этих дармоедов! Я, старуха, вкалываю не покладая рук, а тут ещё эти паразиты сосут нашу кровь! Как же нам жить-то? Эрва, вставай уже! Ты ешь за наш счёт, пьёшь за наш счёт, что, нам теперь тебя как идола на пьедестале ставить?

В глазах Гуань Юаня промелькнул злой огонёк. Он только что проснулся и сначала был рад, но тут же вспомнил про этих назойливых насекомых.

Чжао Шэнгу почувствовал напряжение в теле мальчика, успокаивающе похлопал его по спине и собрался встать. Однако Гуань Юань быстро произнёс:

— Я тоже встану.

Чжао Шэнгу улыбнулся, тронув кончик носа Гуань Юаня, и, не обращая внимания на ругань за дверью, неспешно начал одевать его. Убедившись, что мальчик хорошо одет и не замёрзнет, он взял его за руку и вышел из комнаты.

Бабушка Гуань, Ян Сюцуй, была женщиной с массивным верхом и очень узкими бёдрами. Её маленькие ножки делали её похожей на конус — зрелище довольно комичное. Сейчас она стояла, уперев руки в бока, и орала так, что слюна летела во все стороны.

Чжао Шэнгу, держа Гуань Юаня за руку, холодно произнёс:

— Бабушка.

Увидев, что Чжао Шэнгу ведёт себя так, словно ничего не произошло, Ян Сюцуй вспыхнула от гнева.

— Что, молодой господин наконец-то удостоил нас своим появлением? Паразит, пьёшь нашу кровь...

Гнев Гуань Юаня готов был вырваться наружу, как вулкан, но тут он услышал сдержанный голос Чжао Шэнгу:

— Бабушка, я не живу за ваш счёт, и каждый в деревне это знает. Я начал работать в поле с шести лет, и тогда вы, при моём дедушке, обещали заботиться обо мне. Десять тысяч юаней, которые он оставил, хватило бы мне до совершеннолетия. Если вы считаете, что я вам в тягость, давайте пойдём к старосте и разберём это перед всей деревней!

Ян Сюцуй поперхнулась словами. Лицо её то краснело, то бледнело. Она дрожащим пальцем указала на Чжао Шэнгу, но не смогла выдать ни слова.

— Ты...

Чжао Шэнгу спокойно смотрел на неё, не отводя взгляда.

В конце концов, Ян Сюцуй не решилась продолжать крик. Она развернулась и, ковыляя на своих маленьких ножках, ушла.

Гуань Юань, глядя на Чжао Шэнгу, почувствовал, как сердце сжимается от боли. Он нахмурился, готовясь утешить его, но Чжао Шэнгу заметил это и рассмеялся.

— Что это у тебя за рожа? Сейчас маслёнку на губы повесишь.

Гуань Юань фыркнул и отвернулся, не желая разговаривать. Чжао Шэнгу, видя, что тот обиделся, сразу начал его улаживать. Гуань Юань покраснел. Если учесть возраст его умершей души, ему было уже больше ста лет, а сейчас он капризничал, как одиннадцатилетний ребёнок. Но он не мог сдержать радости. За сто лет скитаний в виде блуждающего духа его психика стала не совсем обычной, и теперь, когда любимый человек его так утешал, Гуань Юань просто наслаждался моментом.

Чжао Шэнгу, увидев улыбку на лице мальчика, подхватил его и подбросил вверх. Застигнутый врасплох, Гуань Юань взвизгнул, но тут же громко засмеялся, придя в себя.

В главной комнате, сидя на кане, Ян Сюцуй не выдержала и снова крикнула:

— Бесстыдники! Ишь, орут!

Услышав это, Гуань Юань показал язык в сторону комнаты, но на его лице не было ни тени страха. Чжао Шэнгу, глядя на него, почувствовал, как на душе становится спокойнее.

В этот раз они не пошли в поле, и Чжао Шэнгу позволил Гуань Юаню поспать ещё немного.

Гуань Юань лежал в объятиях Чжао Шэнгу, а мысли унеслись в прошлую жизнь.

В прошлой жизни Чжао Шэнгу привезли в семью Гуань, когда ему было пять лет. Дедушка Чжао Шэнгу в молодости много путешествовал, скопил состояние, а затем вступил в ряды Восьмой армии и спас жизнь дедушке Гуань Юаня, Гуань Хэ. У дедушки Чжао Шэнгу был только один сын — отец Чжао Шэнгу. Мать Чжао Шэнгу умерла при родах, а отец, слабый здоровьем, не смог пережить потерю жены и умер, когда Чжао Шэнгу было три года.

Дедушка Чжао Шэнгу, служа в Восьмой армии, был ранен японцами и остался хромым. После основания Китайской Народной Республики правительство выделило ему пенсию и вручило знамя. В деревне он был человеком уважаемым и известным.

Когда Чжао Шэнгу исполнилось пять лет, его дедушка почувствовал, что уходит из жизни, и хотел устроить будущее внука. Многие в деревне хотели усыновить Чжао Шэнгу. Не говоря уже о том, что его дедушка был из семьи героя, состояние семьи Чжао было более чем достаточным, чтобы содержать одного мальчика. Семья Гуань была лишь одной из многих, кто хотел взять его.

Гуань Хэ, ссылаясь на долг благодарности за спасение жизни, поклялся перед дедушкой Чжао Шэнгу, что будет относиться к нему как к родному внуку. Дедушка Чжао, видя, что лучше выбора нет, передал Гуань Хэ десять тысяч юаней на глазах у всей деревни, а также дал тысячу юаней матери Гуань Юаня, Ли Юэхуа, чтобы она стала его приёмной матерью.

Ли Юэхуа в деревне слыла женщиной добродетельной. Дедушка Чжао знал её и доверял, считая, что она сможет хорошо заботиться о внуке. После этого он пожертвовал ещё тысячу юаней деревне, надеясь, что жители присмотрят за мальчиком.

Дедушка Чжао предусмотрел всё. Он спас жизнь Гуань Хэ, передал семье Гуань крупную сумму денег, оставил тысячу юаней на будущее Чжао Шэнгу, а остальное отдал семье Гуань. Ли Юэхуа была ему доверенным лицом, и он был уверен, что даже если Чжао Шэнгу не будет жить так вольно, как в родном доме, голодным он не останется.

Ли Юэхуа действительно относилась к Чжао Шэнгу очень хорошо. Первые несколько лет, пока у неё не было своих детей, она воспитывала его как родного сына. Даже после рождения Гуань

Юаня она продолжала относиться к обоим мальчикам одинаково.

Но судьба непредсказуема. Когда Гуань Юаню исполнился год, его отец завёл связь с вдовой Ян Фэйфан. Ли Юэхуа, с её слабым здоровьем, не выдержала потрясения, заболела и умерла. Перед смертью она сжала руки Чжао Шэнгу и маленького Гуань Юаня, не в силах справиться с тревогой за них.

Маленький Чжао Шэнгу поклялся у её постели, что обязательно позаботится о Гуань Юане. В последующие годы он сдержал слово, считая заботу о мальчике своей святой обязанностью. Со временем он по-настоящему полюбил его и, даже когда появилась возможность уйти из семьи Гуань, остался ради Гуань Юаня.

Вспоминая прошлое, Гуань Юань почувствовал, как слёзы текут по щекам. Он ненавидел себя за свою слабость и глупость в прошлой жизни. Он всегда прятался за спиной Чжао Шэнгу, обременяя его своими проблемами, и в итоге стал причиной его гибели.

— Аюань, что с тобой?

Чжао Шэнгу тревожно посмотрел на него.

— Опять кошмар приснился?

Гуань Юань тихо кивнул и с серьёзным видом произнёс:

— Брат, теперь я буду защищать тебя!

Чжао Шэнгу посчитал это детской болтовнёй и отмахнулся:

— Ну что ж, буду ждать твоей защиты, малыш.

Гуань Юань, видя, что ему не верят, надул губы.

— Я говорю правду!

Чжао Шэнгу ущипнул его за щёку и ласково сказал:

— Конечно, правду. Ну всё, не дуйся.

Только что он заглянул в своё пространство и обнаружил, что оно осталось в прежнем состоянии — на максимальном уровне.

Пространство было бескрайним.

Он организовал его очень чётко, всё было разложено по полочкам. Сельскохозяйственная зона, промышленная зона, складская зона. Там было много видов растений и вещей, которых не существовало во внешнем мире.

В пространстве имелся Духовный источник, который был там с самого начала. Также там были редкие животные. С ростом уровня пространства источник увеличивался в размерах и становился качественнее. На максимальном уровне он превратился в молочно-белую массу, от одного запаха которой чувствовалось обновление сил. Редких зверей становилось всё больше, и пространство оживало. За сто лет он собрал там всё, что считал ценным из будущего.

Поэтому Гуань Юань был уверен, что в этой жизни они с Чжао Шэнгу будут жить хорошо. Что

касается остальных, он уже отомстил им в прошлой жизни. В этой жизни, если они не будут лезть к ним, он не станет обращать на них внимания. Но если они снова начнут пытаться их сломать, это даст Гуань Юаню повод проучить их, чему он будет только рад.

Примерно в восемь утра Чжао Шэнгу и Гуань Юань встали. Во дворе семьи Гуань было тихо, взрослые ушли на работу, а дети в это время обычно ещё спали.

Сейчас жизнь крестьян понемногу налаживалась, с голодом было покончено, но семья Гуань отличалась от других. Бабушка Ян Сюцуй была жуткой скрягой. Зимой, когда работы было мало, по утрам еды не давали. Днём можно было поесть досыта, а вечером подавали миску грубой каши.

С наступлением декабря вся деревня погружалась в зимнюю спячку. В это время семья Гуань ела только раз в день — в обед.

<http://bllate.org/book/16465/1494622>